

Сгущались сумерки, но Юйяо и не думал затихать — город становился лишь оживленнее и шумнее. В лавках ярко вспыхнули огни, улицы наводнили толпы прохожих, а вместе с темнотой пришло и смутное, будоражащее беспокойство.

Хуа Тянь водил своих спутников по улицам Юйяо добрую половину дня. Очарованные ночными видами, они надолго застыли на мосту, любясь раскинувшейся перед ними картиной в полном молчании и просто наслаждаясь мгновением.

Лишь когда тишина затянулась, Лань Цзыцзюнь наконец опомнился. Поняв, что Хуа Тянь попросту водил их за нос всё это время, он сердито спросил:

— И это, по-твоему, называется «напасть на след»?

Хуа Тянь лишь сладко и сонно зевнул. Вместо прямого ответа он принялся жаловаться на усталость и канючить, что ему срочно нужно в постель. Рассудив, что для начала неплохо бы устроиться на ночлег, он увлек спутников за собой.

— И зачем я только тебе поверил... — не затыкался позади Лань Цзыцзюнь, ворча под нос всю дорогу.

Хуа Тянь лишь демонстративно поковырял в ухе, делая вид, что оглох.

Пройдя несколько переулков, Чжун Ли и Цзянь Цзянь начали тихо переговариваться, отстав на пару шагов.

— Цзянь Цзянь, тебе эта дорога не кажется знакомой? — спросил Чжун Ли.

— Похоже на тот путь, что ведет к чайной, — припомнил юноша.

— К чайной? Но там ведь нет постоянных дворов. Там только...

Чжун Ли осекся на полуслове. Они уже пришли.

Если днем здесь лишь лениво заигрывали с редкими гостями, то с наступлением темноты «Красный терем» преображался, являя свое истинное лицо. В этот вертеп порока нескончаемым потоком тянулись мужчины. Разукрашенные девицы в ярких шелках вовсю зазывали прохожих, сверкая фальшивыми улыбками и выставляя напоказ свои прелести.

— Господин Лань, неужели мы заночуем... — Чжун Ли покосился на помрачневшего Лань Цзыцзюня и, запнувшись, растерянно закончил: —...здесь?

— Именно! Ночуем тут, — предвкушающе отозвался Хуа Тянь и уже вознамерился перешагнуть порог, но Лань Цзыцзюнь вовремя ухватил его за шкурку и дернул назад.

— Хочешь позориться — развлекайся в одиночку. Мы в этом участвовать не станем, — отчеканил он и, развернувшись, потащил Цзянь Цзяня и Чжун Ли в обратную сторону.

Ярость мгновенно захлестнула Лань Цзыцзюня. Выходит, они весь день таскались за этим шутом только ради того, чтобы в итоге прийти к борделю? Ощущение, что его нагло одурачили, жгло изнутри.

— Брат Цзыцзюнь, ну постой, выслушай меня! Не руби с плеча! — Хуа Тянь забежал вперед, преграждая ему дорогу, и заговорщически прошептал на ухо: — Неужели ты думаешь, что я, Хуа Тянь, способен на такое распутство?

Лань Цзыцзюнь молча и решительно кивнул. Чжун Ли, не подумав, последовал его примеру, а Цзянь Цзянь тихонько прыснул в кулак.

Какая неловкость. Разговор явно зашел в тупик.

Хуа Тянь лишился дара речи. Схватившись за сердце, он картинно запричитал:

— Так вот какого вы обо мне мнения! Мое сердце разбито. Всё, я умываю руки и ухожу на покой!

Он круто развернулся, делая вид, что уходит насовсем. Простодушный Чжун Ли принял эту пантомиму за чистую монету. Если Владыка ада бросит дела и сбежит, Подземное царство окончательно погрузится в хаос. Перепуганный Судья ада бросился наперерез и вцепился в рукав господина:

— О господин, пощадите, не уходите! Я верю, верю, что вы выше этих низменных утех! Скажете спать здесь — значит, заночуем здесь!

Хуа Тянь соорудил скорбную мину, хотя в душе так и ликовал. Разумеется, на его дешевый трюк мог купиться только такой наивный простак, как Чжун Ли. Цзянь Цзянь продолжал тихонько посмеиваться в сторонке, а Лань Цзыцзюнь, которому весь этот фарс порядком надоел, грубо оборвал комедианта:

— Хватит паясничать. Выкладывай, что задумал.

Получив нагоняй, Хуа Тянь мгновенно посерьезнел и задал встречный вопрос:

— Если мы хотим отыскать бесследно исчезнувшие души, с чего нам следует начать?

— Найти место их исчезновения, — тут же выпалил Чжун Ли.

Хуа Тянь одобрительно кивнул:

— Верно лишь наполовину. Тогда ответь мне: когда именно душа отделяется от тела?

Чжун Ли совсем растерялся:

— Если бы я знал это, мы бы уже раскрыли дело и не торчали в Юйяо!

Хуа Тянь скривился от досады. Ну как этот тугодум умудрился занять пост Судьи ада?

— И это говорит тот, кто прослужил в Подземном царстве больше сотни лет! — сокрушенно вздохнул он.

Чжун Ли лишь озадаченно почесал затылок, безуспешно пытаясь сообразить, куда клонит господин.

— Душа является в наш мир в момент кончины человека, — ровным тоном произнес Лань Цзыцзюнь, избавляя Чжун Ли от мучений.

— И каков твой план? — спросил Лань Цзыцзюнь. Ход мыслей Хуа Тяня он уловил, но всё еще не понимал, как это связано с публичным домом.

— Днем я разговорился с местными девицами, — пояснил Хуа Тянь. К плотским утехам он был равнодушен, и всякое его действие подчинялось строгому расчету. — И они обмолвились, что в Юйяо процветает одно любопытное ремесло. Кое-кто за приличную плату берется «избавить от любых хлопот».

Чжун Ли мгновенно сообразил, о чем речь, и так разволновался, что выпалил:

— Взять плату и избавить от хлопот... Да это же наемный убийца, у которого руки по локоть в крови!

Хуа Тянь окинул подчиненного удивленным взглядом, в котором читалось явное облегчение: «Надо же, хоть на что-то сгодился», — и снисходительно кивнул.

— О господин, неужели вы хотите нанять его, чтобы кого-то прикончить? — выдал вдруг Чжун Ли.

Хуа Тянь ошеломленно воззрился на него и лишился дара речи. С таким непутевым

помощником и врагов не надо.

— Молчи уж лучше... Зайдем — сами всё увидите, — устало выдохнул он, устав от бесполезных объяснений.

Доводы Хуа Тяня в конце концов подействовали на Лань Цзыцзюня. Поборов брезгливость, он согласился войти в «Красный терем».

У дверей заведения вовсю усердствовала размалеванная немолодая женщина. Зазывая прохожих, она жеманно изгибалась и буквально силой затаскивала мужчин внутрь:

— Милые господа, ну же, заходите, не стесняйтесь! Ждем вас!

Хуа Тянь небрежно покачал перед ее носом увесистым серебряным слитком и вальяжно бросил:

— Самые желанные гости уже здесь.

— Ох, дорогие мои, проходите же скорей! — Сюй-нян хищно уставилась на серебро и потянулась к нему цепкими пальцами, но Хуа Тянь ловко отдернул руку, заставив хозяйку схватить воздух.

— Не торопись. Сперва устрой моих спутников как следует, тогда и получишь плату, — наставительно произнес он и уверенным шагом вошел внутрь. Остальные нехотя последовали за ним, чувствуя себя крайне неловко.

— Девочки, у нас дорогие гости! Живее встречайте! — зычно крикнула Сюй-нян.

Тут же со всех сторон их окружили разряженные девицы, принявшись бесстыдно лгнуть к мужчинам и шарить по их одеждам.

Утонченный и благородный облик Лань Цзыцзюня мгновенно приковал к себе все взоры. Красавицы наперебой бросились к нему, лелея надежду разыграть классическую драму о пылком ученом и преданной блуднице. Но их чары разбились о ледяную неприступность. Лань Цзыцзюнь смерил девиц презрительным взглядом, швырнул Сюй-нян еще один слиток и резко приказал:

— Убери их от нас.

Оторопев от столь сурового отпора, девицы не решились докучать гостю дальше и замерли в ожидании знака от хозяйки.

Сюй-нян притворным жестом хлопнула себя по лбу и заискивающе зашебетала:

— Ах, какая же я глупая! Разве эти замарашки достойны вашего внимания, молодой господин? А ну-ка, брысь отсюда!

Девушки обиженно зафыркали и неохотно разошлись по углам.

— Чего же изволит ваша душа, господин? Я мигом подыщу кого-нибудь под стать вашему изысканному вкусу, — закружилась вокруг Лань Цзыцзюнь Сюй-нян, напрочь позабыв о Хуа Тяне.

Пользуясь тем, что на него не смотрят, тот преспокойно спрятал припасенное серебро обратно в широкий рукав. Сюй-нян, впрочем, заметила это краем глаза, но промолчала.

— Приготовь нам два лучших покоя на верхнем этаже, — распорядился Лань Цзыцзюнь, подкрепив свои слова очередным слитком. — И сделай так, чтобы нас никто не тревожил.

Сюй-нян оценивающе оглядела странную компанию: трое крепких, статных мужчин и один спутник под плотной вуалью, чью принадлежность к какому-либо полу определить было невозможно. И при этом они берут всего две комнаты. Ее искушенный разум тут же дорисовал весьма пикантные подробности.

На лице сводни расплылась понимающая ухмылка:

— Разумеется, господин, всё устрою в лучшем виде. Я прекрасно вас понимаю.

— Что именно ты понимаешь? — нахмурился Лань Цзыцзюнь, совершенно не уловив двусмысленного намека.

Хуа Тянь, прекрасно разгадавший ход мыслей старухи, с упоением наблюдал за происходящим. Прояснять ситуацию он не спешил, предвкушая, как благочестивый Лань Цзыцзюнь закопает себя еще глубже. Самому-то Хуа Тяню до этих сплетен не было никакого дела.

Чжун Ли и Цзянь Цзянь тоже притихли, забавляясь неловкостью момента и гадая, как этот безупречный праведник выпутается из щекотливого положения.

Хуа Тянь невольно удивился: надо же, даже эти двое сообразили, к чему идет дело!

Хозяйка лишь загадочно улыбнулась и вкрадчиво поинтересовалась:

— Позвольте спросить, господин, с кем именно из ваших спутников вы желаете разделить

ложе?

Лань Цзыцзюнь, стоявший бок о бок с Чжун Ли, небрежно ткнул в его сторону пальцем:

— С ним.

Чжун Ли был статен, крепок телом, а его кожа отливала благородной темной бронзой — от него так и веяло грубой мужской силой. Сюй-нян еще при входе заприметила этого красавца и успела состроить ему пару глазок, но теперь с сожалением поняла: лакомый кусочек увели прямо у нее из-под носа.

Ее вопрос был лишь проверкой, но ответ превзошел все ожидания. Разочарованно вздохнув, Сюй-нян покачала головой:

— Что ж, извольте... Идите за мной.

Бедный Чжун Ли застыл с натянутой улыбкой. Густая краска залила его лицо, и он поспешил отвести глаза, не зная, куда деваться от смущения.

— Какая ей разница, с кем я буду спать? Странная баба, — недоуменно пробурчал себе под нос Лань Цзыцзюнь, сочтя чужие расспросы верхом нелепости.

Сюй-нян, повидавшая на своем веку немало причудливых союзов, давно ко всему относилась философски. В конце концов, ни одна любовная страсть не греет душу так, как звонкая монета. Быстро справившись с секундным разочарованием, она вновь расплылась в любезной улыбке и повела гостей наверх.

Покои располагались на третьем этаже. Лань Цзыцзюня с Чжун Ли определили в одну комнату, а Хуа Тяня с Цзянь Цзянем — в соседнюю.

Когда они остались в коридоре, Хуа Тянь, которого тоже подмывало задать мучивший его вопрос, полюбопытствовал:

— Слушай, брат Цзыцзюнь, а почему ты действительно не взял четыре отдельные комнаты?

Этот вопрос мгновенно вывел Лань Цзыцзюня из себя.

— А платить за четыре комнаты кто будет, святой дух?! Ты хоть представляешь, во сколько нам это обойдется? Или возомнил себя богачом? — вскипел он.

Против столь сокрушительного довода у Хуа Тяня не нашлось аргументов.

"А швыряться серебром ради того, чтобы прогнать несчастных девиц, значит, не накладно? — мысленно усмехнулся Хуа Тянь. — Сам виноват, что тебя сочли любителем мужских ласк"

— Ладно, дело к ночи. Давайте выспимся как следует, а к делу приступим завтра утром, — примирительно произнес Хуа Тянь, чувствуя, что силы окончательно покидают его после долгой прогулки.

Уже на пороге своих покоев Лань Цзыцзюнь недовольно бросил через плечо:

— Надеюсь, мы покончим с этим расследованием как можно скорее. Я не желаю оставаться в этом вертепе ни лишней минуты.

— Полно тебе, брат Цзыцзюнь. Поспешность здесь только навредит, — мягко отозвался Хуа Тянь. — Расследование — дело тонкое, словно ткачество. Нить ложится к нити, шаг за шагом, пока не родится цельное полотно. Только тогда мы увидим истину.

— Вздор, — буркнул Лань Цзыцзюнь.

Скрестив руки на груди, он скрылся в своей комнате вместе с Чжун Ли.

Колкости спутника больше не задевали Хуа Тяня. Напротив, ему льстило, что он так легко выводит этого чистоплюя из равновесия. С веселым хохотом он повалился на мягкую постель и позвал спутника:

— Сяо Цзяньцзянь, ты видел его физиономию? Скисла пуще старого уксуса!

— Да-да, — тихо отозвался тот.

В слабом голосе Цзянь Цзяня отчетливо слышались слезы.

Хуа Тянь не хотел бесцеремонно вторгаться в чужую душу, но и оставлять юношу в таком состоянии не мог. Решив подступить к делу мягко, он предложил:

— Цзянь Цзянь, здесь никого чужих нет. Сними маску, переведи дух.

— Господин... Позвольте мне остаться так. Не хочу вас напугать, — глухо ответил тот, не спеша повиноваться.

— Да брось ты. Я ведь Владыка ада, какая земная чертовщина может меня напугать? Снимай давай, иначе спать будет неудобно.

Доводы господина были разумны, и Цзянь Цзянь, не смея больше упорствовать, послушно отвернулся к стене и медленно развязал тесемки маски.

— Ложитесь спать, господин... А я побуду на страже, — дрожащим голосом проговорил юноша, по-прежнему не оборачиваясь. Его плечи мелко вздрагивали.

Хуа Тянь сделал шаг к нему, но стоило ему приблизиться, как дрожь Цзянь Цзяня усилилась, перерастая в беззвучные рыдания. Поняв, что его присутствие лишь усугубляет чужую боль, Хуа Тянь остановился на полпути и отступил. Сквозь полумрак комнаты он успел заметить блеснувшие на щеках юноши слезы.

Разделить ложе этой ночью им явно было не суждено. Вздохнув, Хуа Тянь перенес одеяло со своей постели на кушетку в углу и негромко произнес, глядя в сгорбленную спину спутника:

— Отдыхай. И ни о чем не тревожься.

Цзянь Цзянь едва заметно кивнул. Лишь когда Хуа Тянь устроился на кушетке, юноша задул свечу и в кромешной тьме бесшумно забрался на освободившуюся кровать.

В эту ночь сон не шел к Хуа Тяню. Он то и дело забывался тревожной дремой и вздрагивал от каждого шороха, с беспокойством всматриваясь в темноту, где лежал юноша. И лишь под утро, уловив его ровное, спокойное дыхание, Владыка ада наконец смог забыться глубоким сном.

<http://bllate.org/book/18412/1796470>